

**ОБРАЗ БАРИНА В ШУТОЧНЫХ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ
КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕРЕВНЕ**

© 2024 В. А. Шаповалов¹, И. В. Истомина²

¹*доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории
и документоведения*

e-mail: shapovalov@bsu.edu.ru

²*кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории
и документоведения*

e-mail: Istomina_IV@bsu.edu.ru

Белгородский государственный научно-исследовательский университет

В статье рассматриваются шуточные народные песни о барине в качестве аксиологического источника. Показано, что их аксиологическую основу, за рамками жанровой специфики, составляют элементы смешливого отношения к отдельным поведенческим проявлениям у помещиков, не находящим рационального объяснения в крестьянской среде. Во многом это было связано с различными мировоззренческими установками бар и мужиков. Рассматриваемые песни, несомненно, имеют социальный подтекст и позволяют взглянуть на власть помещика глазами крестьянина, пусть и с определенной стороны.

Ключевые слова: фольклор, шуточные песни, барин, мужик, аксиология.

**THE IMAGE OF THE LANDLORD IN COMIC RUSSIAN FOLK SONGS
AS AN AXIOLOGICAL SOURCE
OF SOCIAL RELATIONS IN THE VILLAGE**

© 2024 V. A. Shapovalov¹, I. V. Istomina²

¹*Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Russian History
and Records management*

e-mail: shapovalov@bsu.edu.ru

²*Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of Russian
History and Records management*

e-mail: Istomina_IV@bsu.edu.ru

Belgorod State National Research University

The article examines comic folk songs about the landlord as an axiological source. The author shows that axiological basis of the comic folk songs, beyond the specific genre, consists of elements of a funny attitude towards individual behavioral manifestations of landowners, which do not find a rational explanation among the peasants. This was largely due to the different worldviews of the gentle and the peasant man. The songs in question undoubtedly have social overtones and allow one to look at the power of the landowner through the eyes of a peasant, from a certain angle.

Keywords: folklore, comic songs, landlord, man, axiology.

Несмотря на относительно большое количество работ, раскрывающих культурное и ментальное значение, содержательные и мелодийные части русских народных песен, социальные сюжеты в контексте взаимоотношений помещтных дворян и крестьян в них крайне редки, хотя барин и мужик являлись олицетворением русской деревенской жизни во всех ее проявлениях в царской России. Это относится как к исследованиям дореволюционной, советской эпох, так и к современным историографическим дискурсам.

В дореформенный и пореформенный периоды происходил сбор песенных текстов и их систематизация. При этом осознавалось единство песенного слова и напева, вследствие чего не только записывались песенные тексты, но и фиксировались народные напевы в виде нотных записей. Об этом единстве, понятном в предыдущие века, замечательно сказал великий композитор Г.В. Свиридов: «Истина может быть заключена в синтезе Слова и Музыки... На своих волнах (бессознательного) она (Музыка) несет Слово и раскрывает его сокровенный смысл. Слово же несет в себе Мысль о Мире (оно и предназначено для выражения Мысли). Музыка же несет Чувство, Ощущение, Душу этого мира. Вместе – они выражают (могут выразить) Истину Мира» [9, с. 25]. Анализ песенных текстов фактически не проводился. В предисловиях и послесловиях песенных сборников описывались структура и география песенных текстов [2; 5; 16; 17; 18; 20; 21; 24]. В ряде случаев указывались сложности в работе с крестьянами при сборе фольклорных материалов. В частности, особо подчеркивалось, что в оговоренное время крестьяне и крестьянки не являлись на запись песен, «сотский или другой представитель власти являлся ... с известием, что певцы и певицы собрались, но идти ... “стыдятся”, “стесняются”, или, что то же, “опасаются”, при чем в пояснении всегда прибавлялось: “народ-то ведь у нас здесь дикой”» [3, с. XI]. То есть крестьяне не открывали при исполнении песен городским господам полностью свою душу и репертуар. Недаром участники фольклорных экспедиций используют по отношению к крестьянам, исполнявшим песни, слово «опасаются». Хотя после записи песен певцов и певиц благодарили и «выдавали жалованье из царских денег» [Там же, с. XII]. Понятно, почему в песенных сборниках до конца XIX в. практически не было антикрепостнических, антипомещичьих песен. Цензурная политика тоже играла свою роль. Часть же антипомещичьих песен была записана уже после Октября 1917 г. [11, с. 66].

В рассматриваемом вопросе касательно антипомещичьих песен отдельно стоят работы П.В. Шейна конца XIX в., где антикрепостнический песенный репертуар разбирался детально [36]. Но образ барина присутствовал в песенных записях более ранних периодов, включая XVIII в. Это относится к шуточным песням, традиции которых уходили своими корнями к скоморошьим выступлениям [6, с. 45] и являлись определенной нормой. Иными словами, это «нарушение правил по правилам» [3, с. 104]. В дореволюционных песенных сборниках были представлены как обрядовые, так и необрядовые песни. По содержанию они подразделялись на свадебные, похоронные, духовные, былинные, хороводные, плясовые, протяжные (любовные, семейные, рекрутские и солдатские, тюремные, разбойничьи).

В советский период народные песни стали объектом пристального внимания исследователей. Но тема образа барина и барской власти в народном песенном творчестве не привлекла пристального внимания. Данному аспекту, как правило, посвящено несколько предложений, внимание акцентируется на тяжелой доле крестьянства и его социальных ожиданиях [7, с. 19; 11, с. 133–135; 22, 11–14; 29, с. 61–80; 31, с. 131; 35, с. 208–209]. Шуточному образу барина уделялось еще меньше внимания, хотя в нем можно рассмотреть представления крестьян о поведенческом коде помещиков. Тем более в данном дискурсе интересен факт того, что вызывало смех

и являлось смешным в поведении бар, пусть и в выдуманных песенных сюжетах. Но они, тем не менее, являлись аксиологическими маркерами воззрений крестьян на помещиков.

На современном этапе отечественной историографии в рассматриваемом сюжетном контексте мало что изменилось. Основное внимание исследователей народного песенного жанра концентрируется на обрядах (свадебных, похоронных и т.п.) и необрядовых (лирических) песенных текстах: любовных, семейных, религиозно-нравственных песнях, военно-бытовой лирике, бурлацких, чумацких, ямщицких, рыбацких, артельных, игровых и хороводных, плясовых, шуточных песнях и скоморошинах [25; 28]. В шуточных или частых песнях (частушках), вызывают смех в основном различные семейные, любовные, повседневные и трудовые сюжеты, возрастные особенности [Там же]. Анализируя шуточные сюжеты песенных текстов про барина, нельзя обойти стороной понятие дефиниций «смех» и «смешной». В первую очередь необходимо уяснить для себя, имеют ли они под собой социальную природу. По этому вопросу сегодня у специалистов имеются серьезные разногласия. Так, А.Г. Козинцев утверждает: «Понятие “смешное” – психологическая и языковая фикция, лишенная какого-либо содержания. Объект дает субъекту лишь внешний, формальный повод для отключения серьезного отношения» [10, с. 229]. К.Р. Конюхов, наоборот, настаивает: «...смех – явление социальное, часто имеющее в современном обществе политическое звучание. “Комическое” – категория эстетики, “смешное” – общественно-политическое» [12, с. 244]. Анализ шуточного образа кого-либо невозможен без определения сущности понятий «смех» и «смешное».

В то же время необходимо учитывать, как отмечают исследователи, что песенный материал до сих пор не систематизирован и не классифицирован [9, с. 24].

Шутливый тон о взаимоотношениях бар с крестьянами часто встречается в песнях игрового любовного цикла, где поднималась тема выбора жениха или невесты и устройства новой семьи. В этих песнях перед женихом зачастую являлась не одна, а несколько невест различных сословий (княжна, дочь боярская, дворянка, дочь купеческая, дочь поповская, дочь крестьянская), но каждый раз только «дочь крестьянская» отвечала всем требованиям жениха. Такой же выбор сословного плана стоял и перед невестой, которая в основном отдавала предпочтение «сыну крестьянскому». Но в ряде песен невеста выбирает боярина, подьячего и сына старосты.

Выбор невесты женихом в песне, как правило, начинается с обращения к матери, в котором он жалуется, что ходит не женат. Мать отвергает или предлагает сыну невест из разных сословных сообществ. Отвергая невест, она дает им социальные характеристики:

Дочь дворянская;
Тебе не ровнюшка,
Белым рученькам,
Не заменушка,
Твоим плечикам не подмогушка [36, с. 253].

Подобные характеристики давались дочерям купца и попа. Выбор же матери был на стороне дочери крестьянской:

Дочь крестьянская,
Тебе ровнюшка,
Белым рученькам,
Заменушка,
Твоим плечикам,
Подмогушка [36, с. 254].

Если в данной песне акцент делается на социальном неравенстве, то в следующей песне про выбор женихом невест уже сам жених отвергает дочь боярскую:

– Возьми дочь боярскую!
– Боярская дочь, матушка,
Она не работница,
Твоим рукам, матушка,
Она не заменушка,
А мне, добру молодцу,
Она не советница [Там же].

На первое место при отказе от боярской дочери выносятся аргументация ее непригодности к крестьянскому труду, невозможность при необходимости заменить в работах мать жениха. Это относится и к дочерям купца и попа. Как и в предыдущей песне, «дочь крестьянская» соответствует всем критериям жениха:

– Возьми дочь крестьянскую!
– Крестьянская дочь, матушка,
Твоим рукам заменушка,
Вот она пособница,
Вот она советница [Там же].

Исходя из шуточного характера рассматриваемых песен о представителях благородного сословия встает вопрос: на основании чего они были допущены цензурой к публикации? В данном контексте необходимо напомнить, что шуточные песни о барах находились в русле традиции средневекового народного песенного творчества, частично перешедшего в Новое время. В этой связи М.М. Бахтин отмечает: «Средневековье, не допустив смех ни в одну из официальных областей жизни и идеологии, представило ему зато исключительные привилегии на вольность и безнаказанность вне этих областей: на площади, во время праздников...», добавляя: «Наконец смех и материально-телесное начало были легализованы в праздничном быту, пирушках, уличных, площадных и домашних увеселениях» [4, с. 83–84, 93]. В России Нового времени шуточные песни социального плана имели своей предтечей «глумы» – социальную сатиру скоморохов, но они уже исполнялись, как отмечалось выше, с «нарушением правил по правилам» [3, с. 104; 6, с. 45], то есть не переступая черту, за которой могло следовать оскорбление, унижение социального плана. Например, «дворянская дочь не ровнюшка», «белым ручкам не заменушка» – по сути, это констатация сословного факта, где дворянство являлось привилегированным сословием и его удел не был связан с тяжелым физическим трудом.

С другой стороны, крестьяне прекрасно осознавали, что при определённых обстоятельствах шутка превращается в острое словесное оружие, которое может серьёзно ранить морально. Это, в свою очередь, может привести к плачевным последствиям, свидетельством чего являются народные пословицы и поговорки о шутке и смехе: «Шутка до добра не доведет», «Шути, да оглядывайся», «Кто шутки пошучивает, тот на себя плеть покручивает», «Смех наводит на грех», «Смех до плача доводит» [30, с. 179–180].

В рассматриваемом сюжете необходимо упомянуть такую характерную черту народного мировосприятия, как «диффузное сознание» – безотчетная экстраполяция (перенесение) своих личных представлений и опыта моделирования поступков и рассуждений других людей, «подстановка» своих взглядов и убеждений в сознание окружающих, представителей различных социальных сообществ [33, с. 28]. Принимая это во внимание, можно констатировать, что в народных шуточных песнях о барине присутствовала в той или иной мере смешливость восприятия барского образа жизни,

в частности неумение разбираться в тонкостях земледельческого процесса, нежелание в них вникать, стремление к излишествам и расточительности. Но при этом у крестьян явно прослеживалась магия барской «голубой крови». Известный этнограф рубежа XIX–XX вв. О.П. Семенова (дочь П.П. Семенова-Тян-Шанского) в этой связи отмечала: «...крестьяне, по большей части, насмешливо относятся к помещикам-дворянам, к их хозяйственным способностям; совсем в них не верят. ...с одной стороны он (крестьянин. – В.Ш.) не уважает барина за то, что он не умеет обращаться с землей и трудиться на ней по-мужицки, а с другой – величие барина» [37, с. 15–16]. Утверждения О.П. Семеновой подтверждает знаток крестьянской повседневности Г.И. Успенский: «У крестьянина прочно сложилось какое-то в самую кровь вьевшееся убеждение, что барин не понимает ровно ничего. Не понимает “житейского”, не понимает того, что держит человека на земле, что заправляет его жизнью, душой и думой...» [37, с. 18].

То есть смешливость крестьян в адрес помещиков, в частности в песнях, основывалась и на представлениях крестьян о барине как «избалованном неумехе», но благородных кровей. Жанровая специфика шуточной песни в рассматриваемом контексте играет основную роль, но и указанный аспект необходимо брать во внимание.

Сословный спектр женихов для девушек в шуточных песнях значительно шире, чем при выборе невест: сенатор, боярин, купец, подьячий, старостин сын, скоморох, дворовой. Рассмотрим их.

...Сватался за Катеньку первой гильдии купец,
Сказывал он Катеньке про именье свое:
– Есть у меня, Катенька, полтора ста кораблей!
– Думаю, подумаю – я за этого нейду! [19, № 1961]

Далее к Катеньке сватался сенатор с именьем в полтора ста душ крестьян, но получил отказ. А вот деревенскому скомороху она не отказала, подчеркивая, что про нее будут говорить:

...Эка шельма, бестия, какой чести дожила [Там же].

Катенька выбирает себе в качестве мужа социальную ровню, отказывая состоятельным и сословно привилегированным женихам. Здесь элементом нормативного смехового поведения выступают отношения подшучивания, понимаемые как особый стиль взаимодействия между индивидами или группами людей, для которого характерно предписанное использование неуважительных, в той или иной степени фривольных, приемов общения в шутовском коммуникативном контексте [3, с. 7]. При этом в традиционных культурах они часто предписываются либо предполагаются социальными нормами, этикетом общения [3, с. 8].

То есть подшучивание допускалось в коммуникативности культурного плана межсословных отношений, в отличие от неприкрытых насмешек, оскорблений. В рассматриваемой песне Катеньке стало честью выйти замуж за скомороха, а не за «благородных». В этом и есть элемент подшучивания. Необходимо учитывать, что значительная часть шуточных песен исполнялась в ходе пляски, где ритмика танца, общего веселья усиливала социальный нарратив отношений подшучивания.

Боярин-жених в шуточных песнях представлен в двух ипостасях. В первой он отвергается девушкой за эгоизм своих привычек и небрежение к «лакеям».

...Не иду, не иду, матушка
Замуж за боярина:

Боярин-то, матушка,
Собачий охотничек,
Собаки борзые,
Лакеи босые [27, с. 252].

Данный топос просматривается практически во всех фольклорных текстах, где присутствует фигура барина. Помещик – раб своих страстей, и ему совершенно безразличны собственные крестьяне. Во второй ипостаси боярский образ жизни представлен в рамках окарикатуривания, комического преувеличения. По сути, это антитеза вышеуказанному топосу.

...Иду, иду, матушка,
Замуж за Боярина:
Жизнь Боярска, что твой рай,
Только знай себе гуляй,
В клуб, театр, на бал катайся
Или дома забавляйся;
Я боярина люблю,
Замуж за него пойду... [27, с. 255–256].

В ходе окарикатуривания берется одна частность, одна деталь; эта деталь преувеличивается и тем обращает на себя исключительное внимание, тогда как все другие свойства того, кто или что подвергается окарикатуриванию, в данный момент вычеркнуты и не существуют [23, с. 67].

В данном дискурсе окарикатуривания и следующая песня, где невеста выбирает среди многих претендентов в мужья подьячего:

...Заговорила меня мать за подьячего отдать,
Иду, иду, матушка, иду государыня,
Иду, государыня, замуж за подьячева.
Ах подьячий [то] писать, а я денежки считать,
Пусть худое говорят, а мы будем обирать [32, с. 445].

Подьячие – помощники дьяков, приказные служители, писцы в судах. Они получали жалование от 37 до 60 руб. в год и земли 350–500 четвертей [13, с. 1005]. В глазах крестьян это были влиятельные и зажиточные чиновники, немало наживающиеся на подношениях. Об этом гласит и народная пословица «Подьячий любит принос горячий» [8, с. 219]. Отсюда в песне и слова «...а мы будем обирать».

В этом суть данного преувеличения, то есть сведение к одному виду деятельности, который для крестьян было особенно зримым.

В рассматриваемом нарративе и выбор девушкой в качестве будущего мужа сына старосты:

...За старостина-ль сына?
Калина, малина моя!
У старостина сына
Прянички сладенькие,
Мед сыченой.
Калина, малина моя! [26, с. 242].

В шуточном песенном цикле выбора жениха невестой весьма примечательны обоснования отказа жениху-крестьянину:

Сговорила меня мать
За крестьянина отдать:
Не йду, не йду, маменька,
Замуж за крестьянина;
С крестьянином жить – трудиться,

Рано вставать, поздно ложиться,
Сено косить, жито жать,
С требухой (?) в овин сажать... [27, с. 260].

Или:
Сговорила меня мать
За крестьянина отдать:
Не йду, не йду, матушка,
Замуж за крестьянина;
Крестьянин-то, матушка,
Много земли пашет,
Деньги пропивает... [27, с. 256].

Здесь явно присутствует комизм отличий социального плана [23, с. 42], противопоставление различных сословных жизненных устоев. В шуточном дискурсе специально показываются сложности народной жизни, работы на земле, элементы девиантного поведения в противовес «боярской жизни на балах», «собачьей охоте» или мздоимству подьячих.

Семейное счастье в рассматриваемом песенном жанре не всегда связывалось с социальными узами, но имело и этнический характер, например в песне «У барыни было три дочери»:

У барыни было три дочери,
Прынды, сунды, три дочери!
Две дочери милые, третья постылая...
Отдала она дочь милую за барина,
А другую отдала дочь милую за боярина,
Третью отдала дочь постылую за татарина [20, № 1590].

В письмах первые дочери пишут матери, что их мужья «куют прутья медные (железные) на мое тело белое...», а дочь постылая посылает к матери грамоту:

Не тужи, моя матушка, о моем горе-несчастье:
У моего ль у татарина всю ночь огни горят,
Всю ночь огни горят, свечи сальные:
Шьют платья цветные на мое ль тело белое,
На мое ль тело белое, на мое ль тело нежное [20, № 1590].

В песне обыгрываются три сюжетных момента: у матери есть две любимые дочери и одна постылая, любимых мать выдает за мужей состоятельных и благородных кровей, а постылую – за «некрещеного», татарина, что демонстрирует крайнее пренебрежение счастьем дочери со стороны матери. Но в частых, шуточных песнях справедливость, как её понимают в народе, всегда торжествует. Любимые дочери обречены на несчастную жизнь со своими знатными мужьями, постылая, наоборот, несмотря на «горе-несчастье», как ей уготовила мать, купается в любви мужа. То есть «некрещеный» более человечный, чем барин и боярин. У православных крестьян это примечательное сравнение, но представленное в виде шуточного песенного текста. Вероятно, здесь просматривается традиция «глумов» – скоморошьей социальной сатиры, не стеснявшейся каких-либо авторитетов.

Завершая рассмотрение шуточного песенного цикла о женихах и невестах, необходимо дать ответ на вопрос: почему социальная вариативность при выборе женихов у невесты намного больше, чем у жениха при выборе невест? Так, крестьянка выбирает в мужья сенатора, боярина, подьячего, старостиного сына и т.д., а жених-крестьянин выбирает себе социальную ровню. Ответ кроется в представлениях крестьян о специфике женского мировоззрения, для которого характерны ветренность

и несбыточные мечтания. Это хорошо демонстрируют народные пословицы «Курица не птица, кобыла не лошадь, баба не человек», «Бабий ум что коромысло: и криво, и зубристо, и на оба конца» [30, с. 15].

Диаметрально противоположные взгляды на повседневные привычки, пристрастия, включая еду и напитки, у бар и крестьян демонстрирует песня «Раз прислал мне барин чаю»:

Раз прислал мне барин чаю
И велел его сварить;
А я отроду не знаю,
Как проклятый чай варить.
Все я взял на скору руку:
Чай весь высыпал в горшок,
На заправку перцу, луку
И петрушки корешок.
На таган его поставил,
Его ложкой помешал,
Сверху мучкою засыпал
И к началу чай принял.
Чай мой вышел объеденье!
Раза два прокипятил,
А потом я к украшенью
Сверху маслица подлил...
«Чай готов, извольте кушать!» –
Снял я с барина пальто...
Чую, барин расходился –
Меня в горницу позвал,
За власы мои вцепился
Он таскал, меня таскал...
Долго думал, удивлялся,
Чем я мог не угодить,
А потом я догадался:
Позабыл чай посолить» [28, с. 382–383].

Песенный текст построен в рамках алогизма – глупости, неспособности элементарно правильно наблюдать, связывать причины и следствия [23, с. 84]. Здесь алогизм проявляется в несуразном подходе при заваривании чая. Именно это и должно было вызывать смех у слушателей. Необходимо учитывать, что в лирических песнях, к которым относятся и шуточные, чувство выражается не столько через слово, сколько через музыкально-речевую интонацию, способную одновременно передавать и мысль, и чувство, её окрашивающее. В шуточных песнях, как в целом и в лирических, интонационная сфера получает самостоятельное развитие и является доминантой для выражения эмоций. Исполняющий песню вариациями интонаций подчеркивал те моменты, которые, по его мнению, должны были вызывать наибольший смех [15, с. 274].

В то же время данные песенные тексты в той или иной степени указывают на глубокие различия в типе сознания и мышления помещиков и крестьян, являющиеся серьезным препятствием для общения и взаимопонимания, преодолеть которые было почти невозможно. Затруднения начинались с языка, на котором говорили люди образованные и крестьяне (русский язык тех и других был существенно иным), и заканчивались непониманием и неприятием мыслей и чувств друг друга [14, с. 528]. В подобных ситуациях весьма трудно было понять желания, просьбы с обеих сторон

или распоряжения бар. Эти недопонимания могли вызывать смех у крестьян как ответную реакцию на «чужачества» помещиков.

«Чужачества» помещиков в шуточных народных песнях принимают характер поступков, которые нельзя было и отдаленно сопоставить с какими-либо проявлениями поведенческой культуры бар. Как правило, подобные песни построены по принципу алогизма с элементами гротеска. Главная задача данных песен – вызвать смех у слушателей. В качестве примера можно привести песню «У нас было в селе Поливанове»:

У нас было в селе Поливанове,
Боярин-дурак в решете пиво варил.
Пойти было молоденьке, поучить дурака!
Возьми, дурак, котел – больше пива наваришь!
А дворецкий дурак в сарафан пиво сливал.
Возьми, дурак, бочку – больше пива наливаешь!
А поп-от дурак, косарем сено косил.
Возьми, дурак, косу – больше сена накопишь!
А пономарь дурак на свинье сено возил.
Впряги, дурак, лошадь – больше сена навозишь!
А попович дурак шилом сено подавал.
Возьми ты вилы – больше сена подашь!
А крестьянин дурак косточкой пашню пахал.
Возьми, дурак, соху – больше пашни напашешь!.. [25, с. 583].

Примечательно то, что эта песня записана по приказу императрицы Анны Иоанновны в 1739 г. В письме к С.А. Салтыкову императрица писала: «У Василия Федоровича Салтыкова в деревне поют песню крестьяне, которой начало “Как у вас в сельце Поливанове да боярин-от дурак решетом пиво цедил”. Оную песню вели написать всю и пришли к нам немедленно, послав в ту деревню человека, который бы оную списать мог» [1]. Словосочетание «боярин-дурак» здесь явно имеет комический дискурс наравне с подобными характеристиками представителей других сословий. Но принцип сословной иерархичности строго выдержан и «боярин-дурак» в песне стоит в первом ряду других дураков. Очевидно, что традиция скоморошин прослеживается в вышеуказанной песне и подтекст социальной иронии не просматривается. Это понимала и императрица.

В народных шуточных песнях высмеивается и внешний атрибут барскости, к которому крестьяне относились не только с определенным раздражением, но и с нескрываемой иронией. В частности, это относится к помпезности барских выездов:

Сам на лошадке,
Жена на коровке,
Дети на запятках,
Слуги на телятках [29, с. 82].

Не меньшей издевке подвергается холопский обычай очищать от прохожих дорогу перед выездом господ:

Выскочил холоп
Из господских ворот,
Он по курице кнутом,
Из курицы перо [Там же].

Подводя итог, необходимо отметить, что шуточные или частые народные песни о барине и мужике являются аксиологическим источником в контексте восприятия барина и барской власти в русской деревне. В смеховой культуре здесь наиболее ярко

и полно представлены отношения подшучивания, когда в силу устоявшихся традиций взаимоотношений власти и народа допускались нарушения «правил по правилам». Откровенные социальные оскорбления и унижения через шутку в песенных текстах не допускались. Это являлось отражением наследия скоморошин и «глумов». Барин в шуточных песнях показан полной социальной антитезой мужику, не приспособленным к труду, живущим в мире своих эгоистических страстей и чрезмерных запросов, не особо заботящимся о своих крестьянах и дворовых. Отдавая пальму первенства жанровой специфике шуточной песни, тем не менее нельзя отрицать в топосе барина элементы смешливого восприятия. В первую очередь они связаны с «чудачествами» помещиков в ходе коммуницирования с крестьянами, где последние не всегда серьезно воспринимали отдельные барские распоряжения и поступки. Для них они были «не от мира сего».

Шуточные песни про бар имели явный социальный подтекст, отражали крестьянскую аксиологическую природу восприятия топоса помещика.

Библиографический список

1. «У нас было в селе Поливанове». – URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/lihachev-...> (дата обращения 29.06.2024)
2. 50 песен русского народа для мужского и смешанного хора из собранных Ф.М. Истоминым и И.В. Некрасовым в 1894, 95,96, 97, 98 и 99 гг. – Москва: Скоропечатная нота П. Юргенсона, 1903. – 87 с.
3. *Артемова, Ю. А.* Ипостаси смеха. Ритуал, традиция и юмор / Ю. А. Артемова. – Москва: Смысл, 2015. – 240 с.
4. *Бахтин, М. М.* Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1990. – 543 с.
5. *Вильбоа, К.* Русские народные песни, записанные с народного напева и аранжированные для одного голоса с аккомпанементом фортепиано / К. Вильбоа / Сост. К. Вильбоа. – Санкт-Петербург: Типография Ф. Стелловского, 1860. – 90 с.
6. *Власова З. И.* Скоморохи и фольклор / З. И. Власова // Русский фольклор. Т. XXIV. Этнографические истоки фольклорных явлений / ответственный редактор В.И. Еремина. – Ленинград: Наука, 1987. – С. 44–64.
7. *Выходцев, П. С.* Крылья народной души // Лирические песни / составление, предисловие и примеч. П. С. Выходцева. – Москва: Современник, 1990. – С. 5–26.
8. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3: П. – Москва: Русский язык, 1998. – 555 с.
9. *Калугина, А.* Мир народной песни / А. Калугина // Русские народные песни. Романсы. Частушки / составитель А. Калугиной. – Москва: ЭКСМО, 2009. – С. 23–56.
10. *Козинцев, А. Г.* Человек и смех / А. Г. Козинцев. – Санкт-Петербург: Алетей, 2007. – 236 с.
11. *Колпакова, Н. П.* Русская народная бытовая песня / Н. П. Колпаков. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 284 с.
12. *Конюхов, К. Р.* Скрытые грани традиции: жизнь славянского мира / К. Р. Конюхов. – Москва: Прометей, 2024. – 298 с.
13. Малый энциклопедический словарь в 4 т. Т. 2. (Вып. III). – Санкт-Петербург: Изд. Брокгауз – Ефрон, 1909. – 1056 с.
14. *Миронов, Б. Н.* Российская история: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 3 / Б. Н. Миронов. – Санкт-Петербург: Дмитрий Булавин, 2018. – 992 с.
15. Народное музыкальное творчество / ответственный редактор О.А. Пашина. – Санкт-Петербург: Композитор, 2005. – 570 с.

16. Песни русского народа собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / составители Ф.М. Истомин, Г.О. Дютшъ. – Санкт-Петербург: Императорское Русское Географическое общество, 1894. – 244 с.
17. Песни русского народа собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / составители Ф.М. Истомин, С.М. Ляпунов. – Санкт-Петербург: Императорское Русское Географическое общество, 1899. 279 с.
18. Песни русского народа. Ч. I. / составитель И. Сахаров. – Санкт-Петербург: Типография И. Сахарова, 1838. – 168 с.
19. Песни собранные П.В. Киреевским. Новая серия / под редакцией академика М.Н. Сперанского. Вып. II. Часть 2 (Песни необрядовые). – Москва: Общество любителей российской словесности при I-м Московском университете, 1929. – № 1961.
20. Песни собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. II. Ч. I. (Песни необрядовые) / под редакцией проф. М. Н. Сперанского. – Москва: Печатня А. Снегирева, 1918. – 125 с.
21. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. IV / составитель П.Н. Рыбников. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1867. – 384 с.
22. *Пропп, В. Я.* О русской народной лирической песне // Народные лирические песни / вступ. статья, подготовка текста и примеч. В. Я. Проппа. – Ленинград: Советский писатель, 1961. – С. 5–68.
23. *Пропп, В. Я.* Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. – Москва: Искусство, 1976. – 183 с.
24. Русская классная библиотека, издаваемая под ред. А. Н. Чудинова. Пособие по изучению русской литературы. Вып. XVIII. Русская народная лирика / составитель И. Глазунов. – Санкт-Петербург: Типография И. Глазунова, 1844. – 110 с.
25. Русская лирическая песня / вступительная статья, составление и подготовка текста, примечания В.С. Бахтина. – Санкт-Петербург: Композитор, 2004. – 704 с.
26. Русская народная поэзия. Сборник сказок, былин, исторических и бытовых песен, обрядов, пословиц, загадок / составитель В. Воскресенский. – Санкт-Петербург: Изд. Н.П. Карбасникова, 1902. – 302 с.
27. Русские народные песни / составитель П. В. Шейн. Ч. I. – Москва: Университет. тип. (Катков и К^о), 1870. – 727 с.
28. Русские народные песни. Романсы. Частушки / составитель А. Калугина. – Москва: ЭКСМО, 2009. – 736 с.
29. Русское народное поэтическое творчество. Т. 2. Кн. 1 / ответственный редактор Д.С. Лихачев. – Москва – Ленинград: Академия наук СССР, 1955. – 544 с.
30. Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. (Русская народная философия) / составитель Мери-Хови, отшельник. – Санкт-Петербург: Губернская типография, 1882. – 252 с.
31. *Соколов, Ю. М.* О песнях русского народа // Русская народная песня / составитель Ю.М. Соколов, под ред. Б.М. Волина. – Москва: Учпедгиз, 1938. – С. 129–136.
32. Сочинения. Собрание разных песен. Части I, II и III с Прибавлением 1770 – 1773 гг. Т.1 / составитель М.Д. Чулков. – Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1913. – 779 с.
33. *Усенко, О. Г.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. / О. Г. Усенко. – Тверь: Тверской государственный университет, 1994. – 77 с.
34. *Успенский, Г.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Т.4 / Г. Успенский. – Санкт-Петербург: Издание т-ва А.Ф. Маркса, 1908. – 746 с.
35. *Чичеров, В. И.* Русское народное творчество / В. И. Чичеров. – Москва: Московский университет, 1959. – 522 с.

36. *Шейн, П. В.* Крепостное право в народных песнях / П. В. Шейн // Русская старина. – 1886. – Т. XLIX. – С. 483–492, 667–678.

37. *Шнейдер, В. П.* Памяти Ольги Петровны Семеновой / В. П. Шнейдер. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. – 22 с.